

96-3 - 120
11811
ЛАТВИЙСКОЙ

96-3
11811 2

ОЙ КУЛЬТУРЫ

Балтийский архив

Русская культура в Прибалтике

VI

Материалы к истории

Материалы к общественной жизни

Литература и искусство

Библиография

РИГА

Даугава

ВЕРА ВАВЕРЕ, ЛЮДМИЛА СПРОГЕ

**А.М.РЕМИЗОВ
В ЛАТЫШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:**

Викторс Эглитис, Антонс Аустриньш,
Павилс Грузна

Тема «Ремизов и зарубежная культура» освещалась по преимуществу в мемуаристике русской диаспоры, когда речь заходила об интересе Томаса Манна¹, Жана Полана, Марселя Арлана и других деятелей европейской культуры² к оригинальной личности и литературному таланту русского писателя-эмигранта.

В меньшей степени учитывалась проблематика связей ремизовского творчества с региональной культурой, частично также отраженная в мемуарах на латышском и немецком языках³. Однако и эта тема в последнее время становится самостоятельным предметом исследований⁴, что позволяет представить своеобразие писателя, увиденного «глазами» другой культуры. С другой стороны, именно этот аспект современного ремизоведения в определенной степени позволяет постичь системность смены культурных ориентиров, динамику развития и кристаллизации тех региональных литературных процессов, которые привели к актуальности усвоения ремизовской проблематики, ремизовского образа и ремизовской образности «чужим» читательским сознанием.

Не претендуя на полноту описания широких и многоплановых ракурсов темы, вынесенной в заголовок, обратимся к биографии и литературному наследию Викторса Эглитиса — одного из вдохновенных представителей модернизма в латышской культуре начала XX в., автора книги «Путь к Латышскому Ренессансу» (1914).

Виктор
Эглитис

Писатель и художник Виктор Эглитис (1877-1945) родился в крестьянской семье на хуторе Lejas Kauperi неподалеку от Цесиса (Венден). Окончив в двенадцать лет приходскую школу, он продолжает обучение в Витебске — в Духовном училище и Духовной семинарии, а в 1899 г. поступает в Пензенское художественное училище. Здесь он проучился всего два года. По свидетельству его близкого друга и мемуариста В.Дамберга, в 1901 г. В.Эглитису и многим его товарищам пришлось оставить училище «из-за открыто высказанных революционных взглядов по вопросам живописи и искусства». Тот же В.Дамберг вспоминал, что «пензенский период играл важную роль в образовании Эглитиса-художника, потому что здесь он встретился <...> с Мейерхольдом и Алексеем Ремизовым», еще в Пензе проявлял интерес к той борьбе, которую в те годы «вели с реализмом Мережковский, Дягилев и Берна»⁵.

Антонс Аустриньш

В начале века Виктор Эглитис продолжает художественное образование в Петербурге у И.Репина — в студии, основанной некогда кн. М.Тенишевой. В 1907—1913 гг. В.Эглитис учится в Дерптском ун-те на отделении классической филологии. Но еще до отъезда в Дерпт он знакомится в Петербурге с русскими поэтами начала века, в основном символистской ориентации, с 1904 г. сотрудничает в «Весах».

Ведущая роль в сближении Эглитиса и его товарищей с кругом символистов при надлежит А.Ремизову.

Это сближение не было случайным. На-

чало века — процесс реформации в латышской литературе, а Эглитис, как и символисты, решительно выступает противником устоявшихся форм патриархального реализма. Вокруг него, признанного в своей среде мэтра, начинают группироваться молодые латышские писатели и поэты, так называемые «декаденты», — Э.Вирза, К.Круза, П.Грузна, К.Екабсонс (Якабсонс) и др., вместе с Эглитисом разделявшие идею сближения латышской литературы с модернистскими тенденциями европейского культурного процесса.

После Пензы встречи Эглитиса с Ремизовым возобновляются в 1906 г., но еще раньше, в 1904—1905 гг., корреспонденции писателей одновременно появляются на страницах журнала «Весы». Ремизовские письма (без подписи) «Нам пишут из Киева»⁶ освещали художественную жизнь «своеобразной Украины», а в «Письмах из Риги» Эглитиса представлен ряд фактологических справок из «всех областей искусства» с характеристикой общего социокультурного фона «окра-

ин» Российской метрополии: «В Финляндии культурные центры давно в руках финнов. Эстам также повезло. Явилась возможность проявить себя новым, искусственно подавленным, творческим силам. Но латыши своей большой Риги никак не осият. А патронат немцев напоследок своих дней задался единой целью замолчать, деморализовать, выставить опасной нарастающую молодую культуру. Общее оживление коснулось всех областей искусства. Лед тронулся в живописи, музыке, литературе...»⁷.

Карлис Екабсонс

Пожалуй, именно в письмах Эглитиса впервые перед русским читателем была представлена сводка новаций в латышской музыке, живописи и литературе начала века, т.е. всего того, что автор «Писем из Риги» позднее, в поэме «Pelekais barons» («Серый барон») ⁸, осмыслит как культурологическую модель «нового искусства».

В латышской периодике время от времени публиковались стихи, рассказы и этюды, генетически связанные с прозаическими и стихотворными опытами русских символистов. Когда речь идет о некоторой близости русских и латышских текстов, то менее всего приходится думать о прямом заимствовании или эпигонстве, — речь должна идти об общих типологических закономерностях развития европейского символизма. Например, стихотворные сборники В.Эглитиса изобилуют эпиграфами и прочими знаками «чужого текста», в том числе и «русскими» цитатами (см. особенно сборник 1912 г. «Hippokrena. Jambi un lirika in modo

classico»), но это всего лишь распространенное в культуре конца XIX — начала XX вв. обращение к «вечным спутникам». Для Эглитиса этот ряд представлен именами Гете, Пушкина, Эдгара По, Ницше, Уайльда, а из русских поэтов-символистов предпочтение отдавалось Брюсову, в послании к которому после набора пиететных восклицаний («изящный», «прекрасный», «большой», «могучий») декларируется важный для Эглитиса тезис литературной самоидентификации: «...но быть лишь эхом твоим, как другие, я не могу»⁹.

В более поздней лирической манифестации Эглитиса Брюсов «открывал» ряд «вечных спутников» латышского поэта:

Man Brjusovs miļš un tuvs bij sirdei
Un Edgars Po, vistumšais mags <...>
Es kādreiz milēju Uaildu,
Kas bezdievīgs un saģiftēts,
Un baironiski lepno Caildu,
Kas skaļš kā jūras negaišs brēc. <...>
Bet mūžam cilvecei būs svēti,
Lūk — Šekspirs, Gete, Puškina pat.¹⁰

(«Мне Брюсов мил и близок сердцу был // И Эдгар По — маг мрака // Когда-то любил я отравы безбожника Уайльда // И байронически гордого Чайльда, // Прогремевшего, как морская буря, // Но вечно для человечества будут святы // Шекспир, Гете, Пушкин».)

Отметим, что имя Ремизова не названо в этом раритетном перечне, но именно Ремизов впервые предстал перед Эглитисом писателем новой эстетической формации, именно он стал для некоторых молодых латышских литераторов воплощением русского духа («частицей России» назвал его В.Дамберг¹¹). Ремизовский облик так завораживал своим творческим артистизмом, что порожденные им мифотворческие представления воплотились в бытовые и литературные сюжеты переписки, мемуаров и художественных произведений латышских авторов, причем можно говорить как о мифологизированной биографии писателя, так и о сложившемся в латышской культуре своеобразном мифе литературного Петербурга.

Назовем в этой связи романы самого Эглитиса и его товарищей — «дзелминиеков», чей эстетический кодекс формировался не без влияния петербургской куль-

туры, активных поборников «новой красоты» (Мережковский), объединявшихся вокруг журнала с характерным для начала века названием «Дзелме» («Бездна»).

При этом необходимо отметить, что романы эти созданы в 20-40-е гг., когда авторы их уже «преодолели символизм».

В романе Антонса Аустриньша «Garā jūdze» («Длинная миля», 1926 г.) имя Ремизова возникает только в рассказе латышского поэта Дейсонса (прототип — К.Екабсонс), который в доме Айзбетниекса (alter ego автора) повествует о своей встрече с Ремизовым, о том, как Ремизов угощал его бубликами. Но главного — обещанного рассказа о посещении Дейсонсом знаменитой «башни» Вяч.Иванова — Айзбетниекс так и не услышал, поскольку гость неожиданно уехал, оставив хозяина гадать, чем же на самом деле обернулось «большое гостеприимство» на «башне»¹².

П.Грузны в своем романе «Jaunā Strava» («Новое течение», 1946 г.), отчасти посвященном становлению новой латышской литературы, представил поездки своих литературных собратьев в Москву и в Петербург как мессианскую командировку от имени «дзелминиеков».

И в романе Грузны Ремизов упомянут лишь эпизодически — один из героев предупреждает своего приятеля о виртуозной способности писателя к мистификациям и розыгрышам.

Центральный петербургский локус романа П.Грузны

Алексей Ремизов. Портрет Ю.Анненского

«Новое течение» — шаржированные восприятием молодого латышского поэта (речь идет о том же К.Екабсонсе) «башня» Вяч. Иванова и персонажи ее полночных бдений. Герой «видит», как на «башне» из самовара течет квас, «слышит», как звенит там балалаечный оркестр. «Дама в сером» (Ахматова) целует его, а он в ответ целует ее в ушко, украшенное бриллиантом в тысячу рублей. Представлен и церемониал возведения латышского поэта в степень бакалавра декадентства, ритуал, пародирующий посвящение в масонскую ложу с возгласами «братьев»: «Aksios, aksios, aksios!» — что, возможно, проецируется на обрядовость ремизовского Обезвельволпала с трехкратным повторением танцевальных поз и обезьяньих слов. Приключения латышского поэта в Петербурге не обошлись без внимания и самого старца Распутина, который после застольного чествования во дворце одного из великих князей выделил «тихого гостя» из сонма придворных обращением: «*Ti molodčaga, miloi sukin sin, maķ tvojū tak!*»¹³.

Напомним, что Екабсонс — персонаж первой книги Ремизова, цикла сказок «Посолонь», где он, прозванный Ремизовым «Лешим», напевает автору удивившую весь литературный Петербург «Медвежью колыбельную песню» («Айя жу-жу лача берни...»):

Баю бай-бай, медведевы детки, — баю бай-бай.
Косолапы да мохнаты, бай-бай.
Батя мед ушел искати — баю бай-бай,
Мама ягоды сбирати, бай-бай.
Батя тащит соты-меды, — баю бай-бай,
Мама ягодок лукошко, бай-бай.
Кто оленюшке, кто медведюшке, — баю бай-бай.
В лесе колыбель повесил, бай-бай.
Вышли воины удалые, — баю бай-бай,
Небаюканы, нелюлюканы, бай-бай.

В.Эглитис свои встречи с Ремизовым, а также ответный визит четы Ремизовых в 1907 г. в Латвию широко отразил в своих дневниковых записях, письмах, воспоминаниях и романе «*Nenovērsamie likteņi*» («Неотвратимые судьбы», 1926 г.) из трилогии «*Skolotāja Kalēja piedzīvojumi*» («Приключения учителя Калейса»). Этот роман прижизненной критикой был встречен прохладно, не переиздавался и на русский язык не переводился.

Автобиографическая по сути трилогия В.Эглитиса о

жизни латышского провинциального учителя Калейса, впоследствии столичного рижского литератора, создавалась с 1914 г. по 1934 г. Автобиографизм ее далеко не фактологический, — автору важнее отражение внутренней жизни, логики формирования эстетических идеалов и мирозерцания героя — ведь «Калейс больше всматривался в себя, чем вокруг».

Действие первой части трилогии «Приключения учителя Калейса» (1914) разворачивается во время революции 1905 г. Герой постигает эпоху как индивидуалист, далекий от политических событий. Многие страницы романа поданы как интеллектуальный диспут.

Заключительная часть трилогии — «Мыслящая Рига» (1934) — вводит в атмосферу творческих дискуссий латышской интеллигенции; среди персонажей многие известные деятели латышской культуры. Большое внимание уделено религиозно-философским вопросам, которые подаются с учетом модной с конца 20-х гг. идеи возвращения к истокам реконструированной по фольклорным источникам диетурибы — язычества раннелатышских племен.

Интересующая нас вторая часть — «Неотвратимые судьбы» — посвящена становлению эстетических и философских взглядов героя в период после революции 1905 г. Калейс отправляется в российские столицы, чтобы ощутить себя «в широком мире и в самой сознательной культуре», и оказывается то в редакции журнала «Весы», то в салоне миллионера и мецената Р. (Рябушинского); знакомится с В. Брюсовым и Ю. Балтрушайтисом, с художниками Н. Феодилактовым и В. Серовым, с актрисой М. Германовой...

В романе персонажный уровень наиболее подвержен сращению бытовых реалий и мифологизированного облика того или иного писателя, художника, философа, мецената. Номинации персонажей способствуют созданию аллюзивного фона романа: Ремизов — Бубука¹⁴; Серафима Павловна — Ангелика Францевна; Вяч. Иванов — поэт-доцент; Н. Бердяев — Ставрогин; Л. Ю. Бердяева — олицетворение Лизы («Ставрогинской»); Мережковский — Верховенский; К. Екабсонс — Росбакс и т. д. Иногда персонаж проецируется на несколько прототипов: молодой поэт — автор элегических симфоний, сын доктора математических наук, профессора Петербургского университета, племянник (крестник) философа Владимира Соловьева: А. Белый, А. Блок, Сергей Соловьев.

Интересен факт передачи бытовой речи Эглитиса, полной, по свидетельству современников (1906 г.), артистизма и эмоциональной образности: «Очень живо и колоритно описывая каждого, он [Эглитис] рассказывал о самом Ремизове, Мережковском и его супруге, <...> о художниках Сомове, Добужинском, Феофилактове. Живое изображение каждого участника этого общества, например: Мережковский — железный генерал, Белый — светловолосый пламенный архангел, Сологуб — все испытывший скептик, Иванов — утонувший в мудрости прозорливец-праведник, Гиппиус — красивая, утонченная эстетка и т.д., — захватило нас. <...> По меньшей мере 2,5 часа без усталости и не проронивши ни слова, слушали мы рассказ В.Эглитиса»¹⁵.

Очевидной художественностью отличаются написанные Эглитисом по-русски письма к жене 1905-1906 гг.¹⁶, которые можно с полным основанием считать «протекстом» некоторых глав «Неотвратимых судеб».

«17 февраля 1906 г. <...> Алексей Михайлович. Дугой согнувшись, улыбается, но уже не как вампир, а почти наивно. «Виктор Иванович, что с Вами сделалось! А я вас представлял совсем беленьким». — «Вы же, Алексей Михайлович, не изменились». — «Я крепко как пень. Прошу Вас. Не желаете ли рюмочку Индийского по случаю встречи?» — «С удовольствием». Выпили. «А вот позвольте Вам представить публициста Ангарского. Посмотрите «Золотое руно» и давайте беседовать». Наговорились затаенно, глядя в упор, улыбаясь и радуясь. Слов немного сказали. «А Вы, Виктор Иванович, в моей судьбе сыграли большую роль. Я ведь по Вашему рецепту зажил. Закулисы бросил, стал откровенен и внешне спокоен». — «Вы слишком великодушны, Алексей Михайлович». — «Нет. Я серьезно. Бывают моменты и маленькие слова опрокидывают даже искусного акробата». — «Вы очень любезны. Лучше стали, но были красивее». — «О, не вспоминайте Пензу — я словно в кошмаре каком-то жил. Представлялся». Вмешивается в разговор Ангарский. «А вот и Серафима Павловна». Оборачиваюсь, в надежде увидеть малюсенькую блондинку. Но Господи! Выше меня ростом, а охватить вдвоем не охватишь. Лицо же приятное, почти глупое. Поговорили опять, выпили по второй и пошли в крохотную столовую. Чайничали. Ангарский разбивал Бенуа Чернышевским, извинялся в дерзостях. А мы не отвечали бра-тейнику Луначарского. «Ну а теперь пора к Вячеславу

Ивановичу Иванову. Я сначала ведь перезнакомить Вас хочу с публикой». Серафима Павловна не хочет: ей нечего там делать до открытия разговоров и декламации. Я ее поддерживаю. Однако скоро отправляемся. Алексей Михайлович торгуется с извозчиком, и когда тот доволен 20 копейками, мы садимся. Едем в Таврический дворец, к Вячеславу Ивановичу. Алексей Михайлович старается сказать мне все. Как он скоро голодать будет по закрытию «Вопросов жизни». Чуть не соблазнился заказом Синода написать книгу сказок для детей в благочестивом духе, без коз и сорок. Говорит, что целый год то и делал, что знакомился со всеми знаменитостями, но ничего не писал. Зато всех знает, начиная с Горького и кончая Вячеславом Ивановичем. Говорит охотно, наивно и много. Намеками все и своими эпитетами без подлежащих и сказуемых. Наконец дворец. <...> Наперебой с Алексеем Михайловичем < Вяч. Иванов > выкрикивает — «латышский поэт Эглит, Виктор Иванович». А вот Поляков, а вот Аничков, потом Чулков Георгий, жена его и жена Мейерхольда, затем поэт — Городецкий. <...> А теперь, смотрите, входят Мережковский, Сомов Константин Андреевич и наш Ставрогин — черный, высокого роста, с шевелюрою до плеч — Николай Александрович Бердяев. Перезнакомились. Алексей Михайлович погнался за Городецким, называя того Бабой—рыбой¹⁷ и заставляя сейчас же на ухо Эглицу прочесть стихи Бабу—рыбу, Ярилу и др. Городецкий шепчет. Хвалит. Он просит рассказать о латышской мифологии. Я ему обещаю перевести зачатки нашего эпоса, прислать, «Viens gans pomīra», «Kur palika versi»¹⁸ и пр. Потом Аничков, известный богач, хочет издать через две недели журнал «Об окраинных народах России», знакомится ближе со мной и просит доставлять ему ежемесячный обзор латышской литературы, т.е., если издание разрешат власти. Говорит много, но Аничков не поэт душой, скучно»¹⁹.

Для Эглитиса, как и для большинства посетителей «башни», было актуально представление о высокой значимости фольклорного и обрядового материала в литературе и искусстве. Эта общность интересов отчасти и послужила сближению латышского писателя с обитателями и гостями «башни». Спустя год Эглитис напишет в письме к другу о совместных планах (которые, к сожалению, осуществить не пришлось) с Городецким, Ремизовым, Вяч.Ивановым; «Ремизов объявил

меня постоянным сотрудником некоего нового издания, в каждой тетради которого я должен исписать страниц 15-ть своими соображениями о латышско-литовских мифах, соотнося их с современными типами [фольклора] и флорой. Посмотрим. Главный редактор — Вяч.Иванов. Издатель — какая-то богатая дама Гриневич»²⁰.

Тематизация «фольклорной идеи» в «Неотвратимых судьбах» напрямую связана с «мифотворцем Бубукой», с притягательной для героев романа затаенной силой чужого мифологического сознания: «Бубука <...> напал на Калейса, — пусть порасскажет ему о латышских божествах, про которых, как он заявлял, считай, ни один человек в мире ничего еще не слышивал. Калейс рассказывал, что бог латышей — это здравствующий зоркий отче, в застегнутом до горла сером балахоне со складками, в желтых постолах, на голове — широкополая или дулообразная шляпа, в руке — белая можжевеловая палочка. Он падает, как звезда, сквозь крышу дома и — вот уже сидит в комнате, поглаживая белую бороду и мудро оглядывая людей, в благоговении умоляющих. Потом они пригlašают бога отведать их хлеб с домашним сыром или медовое лакомство и на стол выставляют пиво в деревянном жбане. Большие черные глаза русского мифотворца Бубуки вспыхивали, как у кота, странными красноватыми искорками. Он облизывал пухлые яркие губы и всей пядью ерошил волосы, которые, кустарником, торчали надо лбом, и смеялся странным грудным смехом да по-нукивал еще и еще рассказывать, ибо все-все захотелось узнать ему — чем боги занимаются тайком, а что делают открыто, не таясь. И Калейс, вглядываясь в этого малюсенького чудака, который сидел, ощетинившись, как лесной зверек, и рассказывал далее про сыновей бога, про Сауле и ее дочерей, играющих друг с дружкой»²¹.

«Пограничность» Ремизова: причастность его к салонно-модернистской элитарной культуре и одновременно к «низким» жанрам (народной демонологии) — одна из впечатляющих характеристик «широты» и многоликости Бубуки. Калейса поражает необъяснимая гротескность всего того, что связано с «мифотворцем»: революционно-бунтарское прошлое и «игрушечная» аксессуарность кабинета бывшего «политического преступника»²²; «странность» супружеской пары, их оккультизм и мистика, вследствие которых один из

персонажей романа (Росбакс — все тот же К.Екабсон) попадает в клинику для душевнобольных. А вместе с тем герой вдохновлен неподдельным интересом Бубуки к культуре и жизни латышей; в деревне Бубука неожиданно встречается с учителем приходской школы, в комнате которого полки заполнены книгами русских, немецких, французских и английских авторов; кроме того, сельскому учителю принадлежал «лучший перевод Гамлета на латышский язык» (С.203).

Оппозиция «свое-чужое» — центральная в диалогическом нарративе романа: контрастность характеров и отчуждение между героями, которое становится все более и более явным, основывается, с точки зрения Калейса, на разных ментальных основах. Калейс приходит к убеждению, что русское сознание сформировано «необъятными просторами», а латышу чужда «широта», как и его краю — «обширность», но свойственна «сконцентрированность» и «глубинность».

За рамками же романа связи Ремизова и Эглитиса продолжают²³; в 20-е гг. их имена встречаются на страницах одних и тех же изданий русской периодики Латвии²⁴, сохраняется переписка, а памятные встречи превратятся в мемуарные и художественные сюжеты.

Романы В.Эглитиса, Аустиньша, Грузны — своеобразное зеркало, отражающее не только один из обликов ремизовского многообличья. Интересна сама модель восприятия художниками иной (в данном случае — латышской) культуры панорамы русского «Серебряного века», тем более что некоторые из них сами оказались вовлеченными в динамику его культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Даманская А.Ф. На экране моей памяти // The New Review. New York. 1996. №198-199. С.304-305.

2. Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга. 1991. С.126-128.

3. Dambergs Valdemārs. Sarakstīšanās Edvartu Virzu un Viktoru Eglīti: Vēstules. Kopenhāgeni: Imanta. MCMLIV; Dambergs Valdemārs. Zaļais rakstniecības koks: Apcerējumu krājums. Mulsjo (Zviedrija): A.Dravnicka grāmatu apgāds, 1947; Günther J. von. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. Erinnerungen. München. 1969.

4. См.: Спроге Л.В. А.М.Ремизов в Латвии: В.Дамбергс, В.Эглитс, В.Гусен, И.Павлов, В.Гадалин; Доценко С.Н. А.М.Ремизов в Эстонии: начало эмиграции // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике Таллинн: Агенариус. 1996 Т.2. С.158-170, 171-196; Vāvere V., Sproge L. Aleksejs Remizovs un latviešu rakstnieki // Latvijas Zinātņu akadēmijas vēstis. A. 1996. S.50. №4/5. Lpp.22-28.

5. Dambergs V. Zaļais rakstniecības koks... Lpp 71.

6. Весы. 1905. №1. С.82-83; №2. С.41-42.

7. Весы. 1905. №7. С.43-52.

8. В архиве В.Брюсова сохранилось письмо В.Эглитиса с фрагментом авторизованного перевода поэмы «Серый барон». Благодарим Н.В.Котрелена за указание на этот пока не опубликованный источник.

9. Eglits V. Hippokrena. Jambi un lirika in modo classico. R. 1912. Lpp 95.

10. Eglits V. Zeme un mūžība: Dzejoli. R. 1924. Lpp 149.

11. Dambergs V. Sarakstīšanās... Lpp.73.

12. Gruzna Pāvils. Bursaki. Jaunā strāva. R.: Zinātne. 1992. Lpp.318-319.

13. Austris Antons. Garā jūdze: Romans-kronika. Pirmā daļa sākas piektā gadā. R. 1926. Lpp. 68-69.

14. Эглитис называет Ремизова именем, заимствованным из раннего рассказа Ремизова писателя «Бибка», впервые опубликованного в 1902 г. в московской газете «Курьер», где Бибкой назван сам рассказчик: так окликает его маленький мальчик Бибка. Рассказ был переведен Эглитисом на латышский язык и опубликован в журнале «Mājas Viesa Mēnešraksts» (1903), о чем он (без ссылки на авторство переюда) упомянул в обзоре «Современная латышская литература. Письмо из Риги» (Весы. 1904. №7. С.35) Возможно, что выбор имени персонажа в романе Эглитиса также навеян этимологически близким словом *bubulis* — бука, пугало. Свою маленькую дочь Наташу Ремизов тоже называл Бубука, Бубуня.

15. Dambergs V. Sarakstīšanās... Lpp. 68.

16. V.Eglīša vēstules Marijai Eglītei (Stalbovai) 1902-1909.g. // RVLM. K2. Inv.nr. 46458.

17. Гостю-латышу в имени языческого божества Барыбы, порожденного поэтической фантазией С.Городецкого, почему последний и получил это прозвище от Ремизова, слышатся два слова.

18. Цитируемое письмо Эглитиса к жене опубликовано: Vera Vāvere, Latviešu un krievu «Sudraba Laikmeta» rakstnieku kontakti 20.gs. sākumā // Latvijas Zinātņu akadēmijas vēstis. A.1997. S.51, №3/4(590/591). Lpp.87-93.

19. Подробнее об этом см.: Грачева А.М., Кузнецова О.А. Переписка В.И.Иванова и А.М.Ремизова // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М.: Наследие. 1996. С.107.

20. Dambergs V. Sarakstīšanās... Lpp.71.

21. Eglītis V. Nenovērsamie likteņi. Romāns R. 1926. Lpp. 14. Далее ссылки на это издание в тексте статьи.

22. «На мгновение оставшись в зале один, Калейс оглядел стены, где вместо картин было нечто другое. По правде говоря, только на одной стене над письменным столом хозяина висела книжная полка, занавешанная темно-красной тканью, тут же стояли широкий обтянутый кожей диван и несколько кресел. Но то, что хранилось на письменном столе, Калейса совсем удивило: большую площадь стола занимал какой-то особенный кусок дерева, ... вывезенный из Усть-Сысольска, и назывался гребнем ведьмы. Вокруг <...> находилось бесконечное множество маленьких амулетов. <...> Бубука, войдя и увидя Калейса, удивленно оглядывавшего предметы, стал каждый из них называть по именам. Наиболее любимым фетишом оказалась Кикимора, женоподобный, не стареющий злой домашний дух, которого Бубука выдавал за своего божка». (С.18). — О ремизовском музее игрушек см.: Грачева А.М. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (Статья первая. Судьба ремизовского «Музея игрушек») // Русская литература. 1997. №1. С.185-215.

23. См. публикацию писем В.Эглитиса к А.М.Ремизову 1914 г. в статье Vāvere V., Sproge L. Aleksejs Remizovs un latviešu rakstnieki ... Lpp. 27; см. также воспоминания: Rakstnieki par sevi: Viktora Eglīša autobiogrāfija // Ritums. 1921. №№3, 4.

24. В этой связи интересен выходивший в Латвии с 1926 по 1927 год иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни «Новая нива», где в 1926 г., — когда в свет выходит роман «Неотвратимые судьбы», — печатались и В.Эглитис (в №24 «Сфинкс. Символический этюд») и А.М.Ремизов (в №39 «С покойника. (Донсториическое): в №24 опубликована статья В.Гадалина (см. о выданной ему Ремизовым грамоте Обеззеллопала в статье Sproge «Л.А.Ремизов в Латвии: В.Дамбергс, В.Эглитс, В.Гусев, И.Пашлов, В.Гадалин ...». С.162.) под заголовком «Несколько слов о латышской литературе. (К 400-летию латышской печати)», где, в частности, сказано: «Имеется у латышей довольно много и таких писателей, которые зорко следят за всемирной литературой и в результате этого в латышской литературе появилось декадентство, хотя латышские декаденты вскоре должны были отречься от этого направления. Виднейшим представителем декадентства у латы-

этого направления. Виднейшим представителем декадентства у латышей является Виктор Эглит (1877) поэт, беллетрист и критик. Эглит крупнейшая величина в латышской литературе, как в критике, так и в художественных произведениях он является борцом за идеальную культуру-утонченную человеческую личность, за высшие цели и задачи в искусстве, за расширение культурного горизонта родного народа. <...> — Латышское декадентство всецело зависело от русских декадентов и можно сказать составляло их отражение. Их учителями явились Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов» (С.477).

Архив В.Эглитиса сохранился лишь частично: в 1944 г. в г. Добеле он был арестован органами НКВД. Погиб Эглитис 20 апреля 1945 г. либо в рижской Центральной тюрьме, либо в одной из московских тюрем.